

— Я человек простой и теперь по-настоящему счастлив. По-настоящему, так его, по-настоящему счастлив! — в гостиной Фань Сянь жевал ютяо\* и пил соевое молоко, чувствуя ни с чем не сравнимое спокойствие на душе.

Он признавал, что ему повезло: понятно было, что он раньше уже умер, но, прибыв в этот мир, снова получил возможность жить. Понятно было, что с рождения жизнь его была крайне жалкой — мать погибла, а отцу он был не нужен, но лишь позже он узнал, что, оказывается, всех убийц его матери истребили, и даже захоти он отомстить, мстить было уже некому. Хотя с отцом у него было не всё ладно, тот по крайней мере не относился к нему так, словно не может его выносить. Вдобавок он очевидно собирался переписывать книги, чтобы заработать деньги своим трудом и неплохо устроиться в этом мире — но и подумать не мог, что его уже ждёт огромная куча блестящих золотых денежек, на которую он и смотреть не захочет.

Самое главное, было ясно, что если он хочет заполучить все эти деньги, придется поступиться своими интересами, принять планы, составленные этими крупными шишками, жениться на девушке, которую никогда в глаза не видел — и оказалось, ха, что эта девушка — именно та, что ему нравится!

Бывают люди, которым везёт, бывают люди, которым постоянно везёт, но в то, что может повезти, как повезло ему, Фань Сянь всё не мог поверить. Заметив, что у него хорошее настроение, госпожа Лю никак не отреагировала. Впрочем, Фань Сычжэ с интересом подошёл, дождался, пока мать уйдёт, и приглушённым голосом спросил:

— Брат, почему такой весёлый? Я уже присмотрел хорошее место для лавки, когда ты придёшь оценить?

— Разве ты не нанял приказчика? — Фань Сянь был в хорошем настроении, был полон весенних чувств и высокомерно распределял полномочия: — Я же сказал, сначала сам попробуй сделать, а если что-то не получится, приходи ко мне. Если ты думаешь, что слишком юн и не сможешь проследить за порядком, в поместье столько приживальщиков, назначь любых двоих.

Фань Сычжэ раскричался:

— Всё равно, ты тоже большой начальник, книга твоя, и половина денег твои, в любом случае ты должен проследить.

Услышав, что его называли большим начальником, Фань Сянь обрадовался:

— Ладно! Тогда через пару дней посмотрю. Однако разве отец недавно не наказал тебя палками за пропуск занятий?

— Забери меня из школы, заодно выведу тебя опять прогуляться по столице.

— Ну нет, с тобой выйдешь — опять придётся оскорблять людей, я вовсе не собираюсь целыми днями судиться. — Фань Сянь одним глотком допил соевое молоко из чашки, отплевался от попавшего в рот осадка и чуть недовольно сказал: — Если книготорговля пойдёт успешно, то в будущем, когда ты вырастешь, тебя будут ожидать ещё много таких предприятий.

Фань Сычжэ не понял этих слов и ушёл, почесав затылок. Фань Жожо, которая в стороне тихо слушала их, теперь, улыбаясь, сказала:

— Решил согласиться на эту женитьбу?

— Это приказ родителей, я не могу не подчиниться, — вздохнул Фань Сянь, однако у него никогда не было способности смешить людей, и он добавил, качая головой: — На женитьбу я безусловно согласен, однако в придачу к ней идёт ещё кое-что, и с этим есть проблемы. Безо всякой причины придётся вызвать неудовольствие стольких людей, к тому же ещё и маловероятно, что я смогу действительно завладеть этим кое-чем, как ни решай, всё равно дело кажется невыгодным.

Фань Жожо знала, что речь идёт о торговом предприятии императорской семьи, и это доставляет её брату беспокойство, ведь старшая принцесса уже распоряжается им столько лет. Никто не знал, сколько выгод от этого приобрели премьер-министр, наследный принц и их присные. Если в дальнейшем это предприятие действительно перейдёт под управление Фань Сяня, ему будет необходима проверка всех счетов, и наверняка пострадает немало людей, занимающихся делами внутренней сокровищницы и предприятия императорской семьи. Нахмурившись, она сказала:

— А если не проверять счета, то что?

— Можно и не проверять, но нужно будет полностью заморозить все старые расчёты: если оставшаяся от них грязь замарают нас, нам конец. Кроме того, имеет значение, что когда этот путь зарабатывания денег будет перекрыт, кое-кто наверняка очень разозлится.

— А может... просто женись на барышне Линь, а это предприятие не используй. В конце концов, это же результат переговоров между отцом и его величеством. Сейчас, если попросить отца уступить, его величество не должен слишком сердиться.

Фань Сянь покачал головой, припоминая настроение отца в тот вечер: он знал, с каким фанатизмом тот подходит к делу возвращения состояния его матери. Хотя он не знал, откуда исходит такое упорство, но заставить отца по своей воле отказаться от возможности, которая перед ним появилась, будет действительно очень трудно.

К тому же он и сам не хотел отказываться, в конце концов это его мать, это оставленное ей после себя дело, мать и дело принадлежали ему, с чего бы позволять людям из правящей семьи пользоваться этими выгодами? Хотя согласно решению двора после женитьбы на Линь Вань'эр должно пройти несколько лет, чтобы он смог взять дело в свои руки, но чем ближе к кормушке, тем сытнее жизнь, так что если сейчас Фань Сянь серьёзно подойдёт к организации

своей книжной лавки, то это с одной стороны принесёт ему опыт, а с другой подтвердит в глазах некоторых людей, что у него есть способности к ведению бизнеса.

— Но если... они вдруг решатся на крайности? — обеспокоенно спросила Фань Жожо.

Подумав, Фань Сянь ответил:

— Хотя я не встречался со старшей принцессой, да и ни с кем значительным из дворца не встречался, но думаю, что раз она способна управлять внутренней сокровищницей с десятков лет, то неважно, какова она по натуре, понятно, что она очень умна. В тех обстоятельствах, что сейчас, если меня на самом деле убьют, то неважно, она это сделала или нет, очень многие будут думать на неё. Старикан-император, возможно, не очень заботится о том, жив я или мёртв, но точно не станет мириться с тем, что кто-то тайно нарушает его указания. Как император он больше всего ценит свою власть. Очень кстати я был втянут в судебное разбирательство и не мог покинуть столицу. Если кто-то что-то сделает со мной в столице... — он покачал головой, — это будет очень глупо с их стороны.

Фань Жожо взглянула на него с уважением:

— Твой анализ, брат, очень разумен.

— Не смотри так на меня, — Фань Сянь несколько беспомощно окинул её взглядом. — Ты, девочка, сейчас доверяешь мне всё больше и больше, но я же не пророк, я всего лишь обычный человек, обязательно найдётся множество такого, что станет для нас неожиданностью.

Эти слова обеспокоили Фань Жожо, Фань Сянь же оставался весел, ведь дядя У Чжу всегда скрывался в темноте, и если кто и захочет Фань Сяня тронуть, то действительно сделать это сможет разве что путешествующий Е Лююнь, если внезапно вернётся в столицу.

В полдень Фань Сянь, окружённый большой группой охранников Тэн Цзыцзина, отправился в домашнюю школу поместья Фань, чтобы увидеться с Фань Сычжэ. Он не придавал делам школы никакого значения, пока не пришёл туда. От одного взгляда он чуть не разгневался. Все дети семьи Фань сидели в классе, шумели, хулиганили и ни во что не ставили учителя. Несколько осмелевших ребят даже взяли свои кисти, окунули их в тушь и брызгали перед собой, испачкав не только стены, но даже и края одежды учителя.

Учитель, от гнева бледный как смерть, не знал, что делать. Семья всех этих озорников имела хорошие связи, и хотя их родители всегда наставляли чтить учителя и уважать его идеи, попав в школу, эти юнцы менялись на глазах, отвратительным образом полагаясь на домашних слуг, поэтому не только хулиганили в школе, но и шатались по улицам и безобразничали.

Фань Сянь просунул голову в двери и внимательно осмотрелся и заметил, что Фань Сычжэ пока ведёт себя относительно воспитанно, сидит за угловым столиком и что-то пишет. Домашний служка, сопровождающий его, как раз присел рядом с ним, поднеся ему чай. Кажется, он не

прислушивался как следует к объяснениям учителя, но и не делал ничего предосудительного. На самом деле Фань Сянь переоценил своего младшего брата: если бы сейчас у него на уме не было недавнего интересного дела, то, возможно, он шалил бы ещё похлеще остальных малолетних оболтусов в этой комнате.

Вызвав Фань Сычжэ из класса, Фань Сянь с невозмутимым видом спросил:

— Это, значит, здесь вы учитесь.

Фань Сычжэ, не понимая, отчего тот недоволен, сердито ответил:

— Ну да, а что?

— Ты, должно быть, у них считаешься вожаком? — Фань Сянь очень верил в его лидерские способности, к тому же весь род Фань процветал благодаря графу Сынаню, так что среди этих детей Фань Сычжэ определённо должен был иметь очень заметное положение.

Фань Сычжэ почесал голову:

— Они пока меня слушаются.

— Вот и хорошо, — тут же откликнулся Фань Сянь. — Войди и преподай за меня урок этим малявкам, чтобы научились хорошенько слушать объяснения учителя.

— А? — До Фань Сычжэ, кажется, пока не доходило.

— Не уважаете учителя? — Фань Сянь начал хмуриться, вспоминая Даньчжоу и кто там был его самым первым домашним учителем. А после него был ещё Фэй Цзе, которого Фань Сянь тоже безмерно почитал. Слыша, как крики изнутри становятся всё более и более разнузданными, он гневно заругался: — Только попробуй вести себя, как они, я надаю тебе затрещин.

Фань Сычжэ совершенно не понимал, почему Фань Сянь, который в последнее время всегда был очень мягким, вдруг рассердился на него и, вытаращив глаза, заорал:

— С чего это ты меня побьёшь?

Его личный слуга и несколько домашних работников окружили его. Они немного знали молодого господина Фань, но, услышав, что тот собирается побить хозяйского сына, твёрдо решили защитить его и злобно уставились на Фань Сяня. Маленький служка хорошо знал Сычжэ и тут же начал яростно ругаться.

Фань Сянь нахмурился.

Тэн Цзыцзин и несколько охранников выступили вперёд и без малейшего снисхождения принялись хватать слуг и хорошенько колотить. Тому мелкому службе, что грязно ругался, досталось изрядное число оплеух. Сопровождающие Фань Сяня охранники, конечно, непосредственно подчинялись графу Сынаню, Фань Цзяню, с какой стати бы им уважительно относиться к слугам поместья, которые гораздо ниже их по положению? Сопровождая Фань Сяня, они даже избили сына придворного министра — и ничего, идя по улице, они только и мечтали проявить свой дерзкий нрав, с чего бы им быть нерешительными?

Когда воспитательный процесс закончился, избитые с головы до пят слуги, полными страха глазами поглядывая на Фань Сяня, стали боязливо расходиться. Маленький служка с ярко-красными щеками ревел, не останавливаясь.

Фань Сянь сверху вниз посмотрел на испуганное лицо Фань Сычжэ и мягко сказал:

— Я не сказал, что побью, но если ты будешь плохо поступать, я, конечно, побью тебя. Что же до причины, тут всё просто. Ты ни побить, ни отругать меня не можешь, а жаловаться отцу не осмелишься. Если ты плохо ведёшь себя, да ещё и мне бросаешь вызов, разве это не значит, что ты нарываешься на побои?

Поняв, что, кажется, бить его Фань Сянь не собирается, Фань Сычжэ облегчённо выдохнул: в душе он всё же был богатеньким сынком, не принимающим проблемы слуг близко к сердцу, поэтому не придавал большого значения тому, что Фань Сянь избил его подчинённых. Хотя у него было лёгкое ощущение, будто он потерял лицо, но в том, чтобы находиться рядом с Фань Сянем, были свои преимущества. Размышляя как деловой человек, он понял, что не стоит вызывать неудовольствие Фань Сяня.

— Тыходишь и наводишь внутри порядок. Я жду тебя снаружи, ты разве не говорил, что хочешь пойти посмотреть лавку? — Договорив, Фань Сянь, досадливо взмахнул рукавом и вышел за ворота школы.

Люди из семьи Фань, ожидавшие снаружи и видевшие предыдущую сцену, невольно цокали языками от удивления, думая о том, насколько, оказывается, крут этот бастард графа Сынаня, раз осмеливается среди бела дня так помыкать настоящим наследником поместья графа. Видя глаза Фань Сяня, толпа слегка испугалась.

Фань Сянь же не обращал на них внимания и свободно уселся ждать на скамью за воротами. Применив каплю способностей, он расслышал доносящиеся из школы горестные вопли, да ещё и до неприличия звонкий звук пощёчины и примешивающийся к ним дерзкий голос Фань Сычжэ:

— А ну успокоились мне тут! Только попробуйте ещё не уважать учителя, я надаю вам затрещин! — Эти слова были точь-в-точь теми, что сказал Фань Сянь: кажется, младший молодой господин Фань весь гнев, который испытывал на старшего брата, полностью изливал

на этих своих родичей.

Теперь, когда начался шум, все эти конюхи, работники и слуги других семей Фань, караулившие за воротами школы, слыша, как в классе громко кричат от боли их барчуки, злобно уставились на Фань Сяня и порывались войти. Фань Сянь, опасаясь, что Фань Сычжэ достанется, подмигнул Тэн Цзыцзину, и тот скомандовал нескольким охранникам войти вместе с толпой. Почти сразу они вытащили оттуда Фань Сычжэ.

Его ещё не оставило воодушевление, он размахивал кулаками и кричал:

— Не бойтесь, не бойтесь, эти придурки не посмеют оскорблять нашу семью.

И действительно, как он и сказал, вломившиеся слуги решились защищать своих хозяев, но не решились никого ударить. Кажется, семья графа Сынаня в клане Фань на самом деле занимала необычное положение.

Когда избиение закончилось, Фань Сянь схватил младшего брата за шиворот и, приказав подать повозку, покинул собственноручно устроенный хаос. Рядом с ним хмурающийся Тэн Цзыцзин произнёс:

— Молодой господин, хотя в роду есть некоторые люди, что чем дальше, тем невыносимее, но всё же в столице есть и те, чья помощь необходима в сложные моменты. Обижать слишком многих навряд ли хорошо.

Фань Сянь ухмыльнулся:

— Чего ты боишься?

Он считал, что, возможно, все эти родственники действительно обладают силой, но он вскоре женится на принцессе, император станет ему тестем, и чего тогда бояться? Если не проучить разок этих мелких гадёнышей, как ещё выместить эту обиду?

— Ты доволен или нет? — спросил он у Фань Сычжэ.

Тот призадумался:

— Ага, обычно я часто дерусь, но никогда не был доволен так, как сегодня, почему это?  
— ненависть, которая зародилась, когда старший брат наставлял его, уже рассеялась без следа, пока он отважно дрался с людьми.

— Всё просто. Чтобы побить человека, нужен повод, как на войне. А если есть невероятно благородный повод, то драка не оставляет бремени на душе. Примерно как в тот год, когда мы

вторглись в Северную Вэй: разве не говорили вначале, что это они нарушили границу? — Фань Сянь продолжал: — В любом деле так, мы должны придерживаться высокого чувства долга, высокого, понял?

— Не понял, — очень искренне ответил Фань Сычжэ.

---

\* ютяо — обжаренные во фритюре полоски теста, хворост.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/1496358>